

УДК 316+314+39
ББК 60.5+60.7+62.5
П26

Редакционная коллегия серии:

академик В.М. Фомин (главный редактор),
академик Ю.И. Шокин, член-корреспондент РАН В.А. Ламин,
член-корреспондент РАН В.Н. Опарин, доктор биологических наук В.В. Глухов,
доктор экономических наук В.Ю. Малов, доктор химических наук В.П. Федин,
кандидат физико-математических наук Н.Г. Никулин (ответственный секретарь)

Серия основана в 2003 г.

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации промышленного производства [и др.]. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 47).

Монография посвящена актуальной проблеме развития человеческого потенциала Сибири и является результатом совместных исследований ИЭОПП СО РАН с Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН. Оценка ресурсов человеческого развития Сибири на микро-, мезо- и макроуровнях дана на основе выявления практик мобилизации населением собственных ресурсов и использования социальной инфраструктуры, анализа демографических процессов и состояния этнополитических и этнокультурных институтов. На материалах государственной статистики, социологических и медико-демографических исследований показано, что явные риски, трансформирующиеся в опасность, вызваны сокращением численности населения региона, деструктивным отношением к здоровьесбережению; при сложившихся институциональных условиях большинство населения Сибири не располагает и не будет располагать в перспективе при этих условиях достаточными возможностями для развития человеческого потенциала за счет собственных ресурсов. Требуется разработка научно обоснованных решений, обеспечивающих полноценную реализацию возможностей, заложенных в региональном человеческом потенциале.

Книга предназначена социологам, демографам, этнографам, специалистам в области государственного управления, а также широкому кругу читателей, неравнодушных к проблемам социального и демографического развития Сибири.

Утверждено к печати

Ученым советом Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН

Рецензенты:

д-р экон. наук *В.Ю. Малов*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*,
д-р социол. наук *О.В. Нечипоренко*

Работа выполнена в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 8
«Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири»

ISBN 978–5–7692–1312–0 (Вып. 47)
ISBN 978–5–7692–0669–6

© Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН, 2014
© Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2014
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2014
© НИИ комплексных проблем гигиены и
и профессиональных заболеваний СО РАМН, 2014
© Оформление. Издательство СО РАН, 2014

Авторский коллектив монографии:

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск): Т.Ю. Богомолова, канд. социол. наук (глава 5, заключение), З.И. Калугина, д-р социол. наук (главы 1, 4, 7, заключение), Н.Е. Смирнова (главы 11, 13, 16), С.В. Соболева, д-р экон. наук (главы 2, 11, 13, заключение), О.П. Фадеева, канд. социол. наук (глава 8), Т.Ю. Черкашина, канд. социол. наук (главы 1, 6, 9), О.В. Чудаева (главы 2, 11, 13, заключение)

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск): Е.В. Антропов (глава 16, 17), Д.Ю. Гапак (глава 18), И.В. Октябрьская, д-р ист. наук (главы 3, 15, 16, 17), М.В. Пономаренко (глава 3), Н.Г. Попова (глава 18), А.А. Шадт, канд. ист. наук (главы 3, 15)

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск): С.В. Ряченко, д-р геогр. наук (глава 10)

НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН (Новокузнецк): Ю.А. Григорьев, д-р мед. наук, В.В. Захаренков, д-р мед. наук (глава 12)

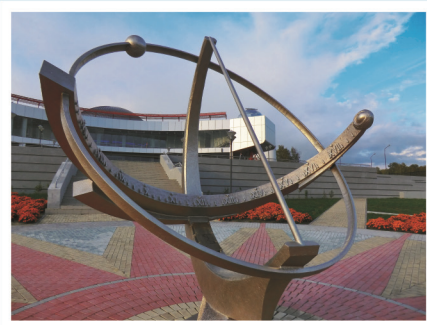
Полная электронная копия издания расположена по адресу:

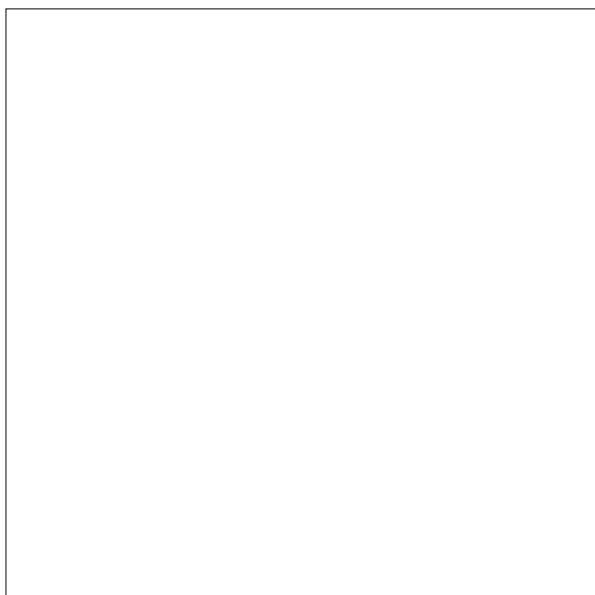
<http://lib.ieie.su/docs/2014/PerspektivIRiskiRazvitChelPotenc.pdf>

Раздел 1

Методология и методика оценки социальных, демографических и этнических рисков развития человеческого потенциала

Глава 1

**СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА:
ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ**

«В развитых странах современного мира общественное производство *богатства* постоянно сопровождается общественным производством *рисков*» [Бек, 2000, с. 21]. Смысл этого высказывания Ульриха Бека – в возрастающих по мере модернизации производительных сил угрозах для физического выживания человека. Источниками рисков для развития человеческого потенциала могут быть не только техногенные факторы, но и социальные отношения, сложившиеся в разных общественных подсистемах: экономической, демографической, этнической, социальной и т.п. Поэтому цель предпринятого исследования заключалась в выявлении способов и практик сохранения, развития и использования человеческого потенциала разных групп населения Сибири с учетом возможных рисков. По существу, речь идет об определении вариантов ответов на риски, о минимизации возможных угроз для разных социальных групп.

Общество риска. В теориях общества риска нашла отражение дихотомия структурного и конструкционистского подходов. В первом случае риски понимаются как нечто объективное, существующее вне воли и сознания индивидов. Но в социологических теориях, основные положения которых представлены в работах У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, а среди российских социологов – В.И. Зубкова, А.В. Мозговой, О.Н. Яницкого, риски определяются в коммуникации, т.е. конструируются во взаимодействиях по поводу возможных последствий какого-либо события, явления.

Общество риска – это новая парадигма, сменяющая концепцию общества производства и распределения богатства: «мы еще не живем в обществе риска, но и больше не живем только в обществе распределения благ» [Бек, 2000, с. 23]. Это происходит не вследствие того, что дефицит благ перестал быть значимой социальной проблемой, а и из-за того, что складываются новые социальные отношения, характеризующиеся сменой критериев социальной стратификации, что приводит к образованию новых социальных общностей, и к тому, что поведение людей все более определяется предвидением будущего, чем тенденциями прошлого.

Если говорить подробнее, *во-первых*, равенство как идеал общественных отношений сменяется безопасностью, а основой социальной стратификации становится не объем богатства, а степень уязвимости перед рисками. В этот переходный период «риски, как и богатства, распреде-

ляются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредоточиваются в верхних слоях, риски – в нижних. По всей видимости, риски не упраздняют, а *усиливают* классовое общество. К дефициту снабжения добавляется чувство неуверенности и избыток опасностей. Напротив, те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут *купить* себе безопасность и свободу от риска» [Бек, 2000, с. 40–41]. Этот «закон» специфически классового распределения рисков и считается одним из центральных измерений риска.

Но классовая специфика в распределении рисков проявляется не только в их неравномерном распределении, но и в том, что возможность и способность избегать опасные ситуации, обходить и компенсировать их тоже неодинакова у слоев с разными доходами и разным уровнем образования: кто располагает большими финансовыми возможностями, тот может попытаться избежать риска благодаря выбору места жительства, обустройства жилья [Бек, 2000, с. 40–41]. Образование и умение анализировать информацию, то есть обладание определенным человеческим капиталом, дополняют экономические возможности в минимизации рисков.

В концепции Э. Гидденса существующая институциональная среда задает унифицированные варианты поведения индивидов и порождает, таким образом, коллективные риски. Естественно, распределение коллективного риска неоднородно в социальном пространстве, и группы, и индивиды, располагающие разными объемами и видами капиталов, имеют разные возможности в предвидении рисков и минимизации негативных последствий в случае реализации риска. У. Бек, как и Э. Гидденс, подчеркивает, что глобализация и обострение ситуаций риска сужают приватные пути спасения и возможности компенсации негативных последствий рисков. К рискам, для которых социальные границы не значимы, относятся техногенные риски, или риски, порожденные «социализацией природы» – результатом технического вторжения в природу, что, с одной стороны способствует «стабилизации множества ранее случайных или непредсказуемых воздействий на человеческое поведение», но с другой – порождает новые состояния природы, суть и последствия которых известны человеку не в полной мере [Сен-Марк, 1977].

Во-вторых, новый стратификационный критерий порождает новые общности, основой существования которых становится страх: «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: «Я хочу есть!» Движущая сила общества риска выражается фразой: «Я боюсь!» Место *общности нужды* занимает *общность страха*» [Бек, 2000, с. 36].

В-третьих, мышление в терминах риска предполагает, что не прошлое, а будущее определяет поведение индивидов в настоящем: согласие с предполагаемыми рисками заставляет быть активными сегодня, чтобы предотвратить риски завтра. Как замечает Э. Гидденс, «риски и попытки оценки риска существенны для колонизации будущего» [1994]. У. Бек пишет, что риски не исчерпываются уже наступившими следствиями и нанесенным ущербом. В них находит выражение существенная компонента будущего. Она основывается частично на продлении

обозримых в настоящее время вредных воздействий в будущее, частично на всеобщей утрате доверия или на предполагаемом «возрастании риска». Риски, таким образом, имеют дело с предвидением, с еще не наступившими, но надвигающимися разрушениями, которые сегодня реальны именно в этом значении [Бек, 2000].

Но не все последствия события (явления, состояния) могут быть определены и предсказаны, исходя из сегодняшних знаний. Это подразумевает постоянное переопределение основных категорий, закономерностей, тенденций. Индивиды освобождаются от определенностей и привычного образа жизни, характерных для индустриальной эпохи [Яницкий, 2003а, с. 14].

Социальные риски. Риски становятся социальными в силу масштабности своих последствий или в силу своего происхождения. В первом случае подразумевается, что негативные последствия от наступления рискованного события являются массовыми, они изменяют положение значительной по численности группы индивидов, и в целом социальный риск определяется как мера ожидаемого последствия определенного явления, наступление которого содержит вероятность потери или ограничения экономической самостоятельности и социального благополучия человека [Социальная энциклопедия, 2000, с. 345]. Для оценки таких рисков используют два показателя: интенсивность риска – вероятность реализации опасности (наступления потенциально опасного события) для заданного промежутка времени – и величина ущерба от наступления опасности.

Во втором случае речь идет о том, что сама система социальных отношений и социальных институтов становится источником рисков (институционализированной средой риска по определению Э. Гидденса). При этом индивиды зачастую не могут по своей воле покинуть эту «зону риска». Различие между риском, на который идут добровольно, и риском, которому индивид подвергается помимо своей воли, зачастую расплывчато и не всегда четко соответствует различию между институционализированной и неинституционализированной (внешней) средой риска. Неотъемлемые от современной экономики факторы риска влияют практически на каждого, независимо от того, участвует ли индивид в экономической деятельности непосредственно [Гидденс, 1994].

Современное понимание социальных институтов как структурообразующего элемента институционализированной среды строится вокруг тезиса Д. Норта о том, что «институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты» [Норт, 1997, с. 20]. Социальные институты – это поддерживающие, а не строго определяющие поведение индивидов структуры, которые реализуются через практики – «устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения акторов (индивидов, организаций, групп), которые и обеспечивают функционирование соответствующих институтов» [Шабанова, 2006]. В такой логике источником рисков для дальнейшего функционирования институтов может стать ответное поведение людей. Здесь можно привести пример реформирования системы здравоохранения при парал-

лельном сокращении государственного финансирования этой системы, что спровоцировало распространение практик обращения за медицинской помощью на поздних стадиях заболеваний, частичного или полного отказа от посещения врачей, самолечения, обращения к альтернативным способам лечения. Соответственно, риск от массового пренебрежения к здоровью проявляется в увеличении затрат на здравоохранение за счет более высоких затрат на лечение по сравнению с затратами на профилактику заболеваний, высокие показатели смертности от состояний, которые можно было предотвратить на ранних стадиях заболеваний.

Социальность рисков «по происхождению» также означает, что риск представляет собой результат принятия решения. В этом его основное отличие от опасности, источником которой являются внешние, не контролируемые человеком силы. То, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем [Луман, 1994.]. То есть ущерб от риска вменяется решению, тогда как ущерб от опасности вменяется окружающему миру. В этом смысле риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное.

Поскольку источником современных рисков являются индивиды и социальные институты, критерием социальной стратификации становится не только уязвимость к рискам, но и причастность к их созданию. То есть акторы, которые наделены полномочиями «формировать правила игры и средства контроля за их соблюдением», создают риски. Это *субъекты («производители») социального риска*, на месте которых чаще оказываются представители власти, хозяйствующие субъекты, социальные группы, причастные к принятию решений с социальными (а не индивидуальными, личными) последствиями. Соответственно, *источник социальных рисков* – функционирование социальных институтов, организаций, поведение сообществ, домохозяйств и индивидов.

Объекты («потребители») социального риска – социальные группы, сообщества и индивиды, которые в силу сложившихся обстоятельств, своего социального положения и образа жизни подвергаются негативному воздействию решений, принятых субъектами риска [Зубков, 1994, с. 5; Маслова, 2001, с. 36]. «Удел потребителей рисков – иная “польза”: льготы или компенсации за потерянное здоровье, за вынужденную жизнь в рискогенной среде» [Яницкий, 2003а, с. 27].

Определение рисков через коммуникацию. Номинирование явления (состояния) в качестве риска происходит на основании аргументов, т.е. до тех пор, пока эти последствия не стали явными и наблюдаемыми, они существуют только как обоснованное предвидение. Поэтому в своих представлениях о рисках мы доверяем экспертному знанию тех, кто более компетентен в данной области. Но кроме научной рациональности в понимание рисков вплетена социальная рациональность – основанное на ценностях представление о том, что может быть приемлемо, какова величина возможного ущерба, на который следует пойти ради возможных выгод. «Занимаясь цивилизационными рисками, наука всегда покидала почву экспериментальной логики и вступала в полигамный брак

с экономикой, политикой и этикой или, говоря точнее, она сожительствует с ними «без официального оформления отношений» [Бек, 2000, с. 19]. В коммуникативном определении одной из стратегий «снижения рисков» может быть контринтерпретация механизмов возникновения негативных последствий и вероятности наступления рискового события. Риски могут «проходить отбор» в зависимости от интересов тех или иных акторов, чтобы быть аргументом в усилении их позиций как «борцов» с данными рисками.

Основанность рисков на знаниях и нормах делает их предметом рефлексии, которая насущно необходима в условиях быстро меняющейся социальной среды, если мы говорим о социальных рисках. «Социокультурная рефлексия – это перманентное критическое осмысление меняющейся ситуации и публичный диалог по поводу современного состояния общества» [Яницкий, 2003а, с. 21]. В таком диалоге устанавливается *социально приемлемый уровень риска* – конвенциональный уровень допустимых потерь, который опосредован социокультурными, морально-этическими и политическими факторами. Этот уровень должен постоянно дебатироваться обществом, вычисляться, прогнозироваться, а не «назначаться» правящей элитой [Яницкий 2003б, с. 352]. В этой связи Н. Луман подчеркивает возрастание роли коммуникаций [Луман, 1994], результатом которой является формирование критериев и непосредственно отбор рисков: какой из них учитывается, а какой – нет.

Конструкционистский подход к определению рисков вводит в структуру социальных отношений по поводу рисков фигуру эксперта, обладающего специальными знаниями и определяющего степень опасности ситуации. Но чем «более узкой становится специализация, тем более ограниченной оказывается область, в которой тот или иной индивид может претендовать на право быть экспертом; в других сферах жизни он будет находиться в той же ситуации, что и любой другой» [Гидденс, 1994]. Это означает, что появляются такие способы социального влияния, которые уже никто не контролирует непосредственно.

Но определение рисков в коммуникации не означает, что возможные угрозы – «воображаемые». Обсуждению, скорее, подлежат вероятность наступления рисков и масштаб их последствий: «общественное обсуждение всегда связывает некую реальную опасность и какое-то неодобряемое поведение, классифицируя опасности по характеру угрозы ценным институтам» [Дуглас 1994, с. 248].

Институциональные предпосылки новой конфигурации социальных рисков. Вторая половина XX в. войдет в историю как период расцвета в экономически развитых странах социального государства с мощной системой социальной защиты, институциональные и экономические механизмы которой были созданы благодаря устойчивому экономическому росту, относительно спокойной международной обстановке. Страховые механизмы социальной защиты позволяли минимизировать негативные последствия социальных рисков, с которыми сталкивались индивиды и домохозяйства. Госта Эспинг-Андерсен идентифицирует четыре вида таких рисков:

- универсальные, с которыми могут столкнуться все люди, например, возникающие ограничения в связи со старением;
- групповые (или классовые), за которыми стоят события, чаще встречающиеся с представителями определенных групп. Например, риск бедности выше среди матерей-одиночек;
- риски жизненного цикла, например, риски бедности в течение жизненного цикла, описанные Сибом Роунтри;
- межпоколенные риски, передаваемые от родителей к детям, например, воспроизводство образовательного статуса, модели семейных отношений [Esping-Andersen 2000, p. 3].

В этом плане Теодор Лоуви определяет государство всеобщего благосостояния как государство, осуществившее частичную *демократизацию риска*: каждому предоставлено право пользоваться (на добровольных началах) коллективной защитой от риска или, по крайней мере, от того ущерба, который возрастает по мере увеличения риска [Лоуви, 1994, с. 254].

Но на примере европейских стран социологи констатируют, что «хотя системы социальной защиты в настоящее время охватывают огромное количество людей, изменения, которые произошли за последние два десятилетия, создали новые формы незащищенности и неустойчивости, с которыми столкнулась большая часть граждан Европы. Новое столетие унаследовало от предыдущего странной парадокс: неопределенность и неустойчивость постоянно возрастали с тех пор, как способность социальных систем обеспечивать защиту от социальных рисков достигала своего исторического максимума» [Ranci, 2010, p. 3]. Одно из возможных объяснений заключается в том, что неопределенность является неизбежным эффектом переходной фазы от разрушающегося индустриального общества к новой форме социальной организации.

Триада, на которую опиралось государство всеобщего благосостояния, – это труд, семья и благосостояние. Но по мнению Эспинг-Андерсена, эти институты сегодня являются главными источниками социальных рисков [Эспинг-Андерсен, 2006]. Под угрозой находятся в первую очередь граждане из крайних возрастных групп (дети и пожилые люди) и средний класс. Это процесс, который определяется как постепенная эрозия промежуточных положений. В работе «Социальная уязвимость в Европе: Новая конфигурация социальных рисков» выделяется три формы разрушения всеобщей защищенности. Первая – фундаментальный разрыв с моделью индустриальной заработной платы, который заключается в ослаблении рынка труда как основного механизма социальной интеграции, возрастающей нестабильности занятости, распространения нестандартных и теневых способов занятости. Вторая форма эрозии связана с постепенным ослаблением сетей родственной поддержки как следствие новых демографических тенденций и реорганизации домохозяйств, пересмотра ролевых моделей в домохозяйствах. Третий компонент эрозии «обеспечивается» ригидностью (институциональной инерцией) системы социального обеспечения. Системы социальной защиты, существующие во многих европейских странах, предлагают широкую социальную

поддержку гражданам, которые полностью интегрированы в рынок труда. Но сегодня эта поддержка гарантирована для меньшей части граждан и с меньшей щедростью, чем в прошлом.

Там, где пересекаются незащищенность занятости, ведущая к нестабильности доходов, возрастающая хрупкость семейной поддержки и инерция институтов социального обеспечения, появляются новые социальные риски, критические из которых, по мнению европейских социологов, следующие:

- распространение «интегральной бедности», которая включает большую группу европейских граждан, кто постоянно или периодически оказывается в состоянии относительной бедности;

- распространение жилищной депривации, связанной с проблемами доступности или несоответствия жилища требованиям (ситуации, которые подвергают людей социальной неустойчивости и финансовому напряжению, но не приводят в обязательном порядке к серьезным трудностям или не делают их бездомными);

- распространение мест работы и занятий, в которых труд незащищен или носит временный характер;

- совмещение трудовой занятости и заботы о детях. Масштаб этой проблемы зависит от постоянного роста занятости женщин и возросшей потребности семей иметь двух получателей дохода, чтобы достигнуть удовлетворительного уровня жизни;

- условия жизни пожилых людей. Безотлагательного решения требует рост числа зависимых людей, которым необходима долговременная помощь по уходу. Зависимости в будущем суждено стать более распространенной вследствие того, что продолжительность жизни становится все длиннее [Ranci, 2010, p. 6–11].

Человеческий потенциал и человеческий капитал: различие понятий.

Названные риски задают условия для практик воспроизводства, сохранения и развития человеческого потенциала разных групп населения. Специфика социологического взгляда на человеческий потенциал заключается в следующем: он воплощен в характеристиках и качествах отдельных людей, поэтому важно учитывать, в какой степени социально-экономические условия формирования и использования человеческого потенциала включены в поведение этих индивидов.

Первоначально понятие «человеческий потенциал» использовалось для международных сравнений. С середины 1960-х гг. в работах социологов и экономистов артикулируются идеи, что экономический рост не тождествен социальному развитию, поэтому для адекватной оценки изменений в обществе необходимо расширить диапазон показателей общественного развития. В научный оборот вводится понятие «качество жизни» как расширенная трактовка условий жизнедеятельности индивидов, а в 1980-е гг. эксперты Программы развития Организации Объединенных Наций предложили концепцию развития человеческого потенциала, в которой человек определяется как целевой приоритет общественного развития (в противовес росту доходов). В 1990-е гг. концепция получила инструментальное развитие через предложение индекса

развития человеческого потенциала (ИРЧП), основная идея которого заключается в том, что развитие человеческого потенциала представляет собой процесс расширения возможностей личности для выбора и повышения благосостояния. Учитываются возможности, при отсутствии которых люди лишены многих жизненных перспектив: вести долгую и здоровую жизнь, приобретать знания, иметь доступ к ресурсам, необходимым для поддержания достойного уровня жизни. Соответственно, в качестве эмпирических показателей развития человеческого потенциала определены ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, грамотность взрослого населения, охват обучением лиц в возрасте 7–24 лет, валовой внутренний продукт на душу населения в паритетах покупательной способности. На их основе рассчитываются индекс долголетия, индекс грамотности, индекс дохода и, собственно, ИРЧП.

Для анализа на микроуровне экономистами был предложен термин «человеческий капитал» (Т. Шульц), а базовая теоретическая модель человеческого капитала разработана Г. Беккером. В качестве элементов человеческого капитала он выделял знания и навыки, полученные через формальное образование и подготовку на рабочем месте, информацию и здоровье [Беккер, 2003, с. 51, 592]. Инвестициям и отдаче от образования в работах Беккера уделено более значительное место по сравнению с вложениями в информацию и здоровье, но он объясняет это не большей важностью данных форм инвестиций в человеческий капитал, а возможностью на их примере «ясно показать характер воздействия человеческого капитала на заработки, занятость и другие экономические переменные» [Там же, с. 52]. Однако историческая тенденция сокращения доли физического труда и увеличение доли умственного в общем объеме труда также обнаруживает большее внимание современных экономистов к знаниям и навыкам, а не к здоровью как элементу человеческого капитала. Тем не менее здоровье, или физический капитал, отмечается как второй значимый элемент человеческого капитала [Беккер, 2003, с. 84–85] либо как самостоятельная форма наряду с человеческим, если последний включает только профессиональные знания, умения, навыки [Радаев, 2003].

Из различения понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» вытекают важные методологические положения. Заимствование из экономического тезауруса «капитала» является не только терминологическим, но и смысловым, и оно связано с идеями инвестирования и отдачи. Во-первых, как и любой другой исчерпаемый ресурс, человеческий капитал «требует расходов по “ремонту” и содержанию; он может морально устаревать еще до того, как произойдет его физический износ; его ценность может расти и падать в зависимости от изменений в предложении комплементарных (взаимодополняющих) производственных факторов и в спросе на их совместные продукты. Основными видами вложений в человека считаются образование, производственная подготовка, охрана здоровья, миграция, поиск информации на рынке труда, рождение и воспитание детей. Образование и подготовка на производстве увеличивают объем человеческого капитала, охрана здоровья продлевает срок его «службы», миграция и поиск информации на рынке

труда способствуют повышению цен за его услуги, рождение и воспитание детей воспроизводят его в следующем поколении» [Капелюшников, 2008, с. 7]. Заметим, что именно инвестирование и возможность получения отдачи отличают человеческий капитал от трудовых ресурсов.

Во-вторых, в проблематике человеческого потенциала нельзя игнорировать его использование, что, собственно и демонстрируют экономисты: большинство исследований в данном направлении посвящено *отдаче* от образования. Но через использование человеческого потенциала можно провести различие между потенциалом и капиталом. Если человеческий потенциал – это воплощенные в человеке знания, навыки, способности, в том числе физические, то капиталом они становятся, если дают экономический эффект, т.е., если происходит конвертация человеческого капитала в экономический. Справедливо и обратное: экономический капитал является основой других типов капитала, в том числе человеческого. Ведь, по сути, инвестирование в человеческий капитал – это процесс превращения экономического капитала в иную форму. Но, как предостерегает П. Бурдье, реальную логику функционирования капитала, превращения одного его типа в другой и движущий ими закон сохранения нельзя понять без преодоления двух точек зрения. «На одной стороне находится экономизм, игнорирующий специфическое действие других типов капитала на том основании, что любой из них в конечном итоге сводится к экономическому капиталу. На другой стороне – семиологизм (ныне представленный структурализмом, символическим интеракционизмом и этнометодологией), сводящий социальные обмены к коммуникативным явлениям и игнорирующий жесткий факт универсального сведения всех форм к экономическому основанию» [Бурдье, 2002, с. 71]. Различные виды капиталов проистекают из экономического, но необходимы определенные усилия для осуществления такой трансформации. Поэтому в изучении процессов формирования и развития человеческого капитала важно уметь дифференцировать индивидов и семей не только по обладанию экономическими ресурсами, но и способам обращения с этими ресурсами.

Итак, под человеческим потенциалом в работе понимается совокупность знаний, навыков, физических способностей и личностных качеств, которым обладает индивид и которые способствуют его участию в хозяйственной деятельности или обеспечивают его развитие.

Исследование человеческого потенциала в контексте социальных рисков. В данной работе конкретизация составляющих человеческого потенциала подразумевает, что они удовлетворяют следующим условиям:

- неотъемлемость от носителя человеческого потенциала;
- принципиальная возможность конвертироваться в экономический капитал, т.е. позволять его владельцу в настоящем или будущем участвовать в хозяйственной деятельности;
- способность воспроизводиться и накапливаться в процессе инвестирования экономических и временных ресурсов.

К таким составляющим относятся профессиональные компетенции, усвоенные в системе формального образования и на рабочем месте (об-

разовательный потенциал), состояние здоровья как способность к физической активности в целом и труду в частности (физический потенциал), включенность в социальные сети (социальный потенциал)*.

Тезисы о том, что капиталы увеличиваются через постоянную конвертацию друг в друга, что отдача от человеческого капитала, которая невозможна без его использования, выступает стимулом для инвестиций в человеческий капитал, и что спрос на человеческий потенциал (капитал) важен для его формирования и воспроизводства [Калугина и др., 2008], позволяют разделить риски на 1) риски воспроизводства человеческого потенциала («риски создания») и 2) риски капитализации человеческого потенциала («риски востребованности и использования»). Таким образом, риск определяется нами как потенциальная возможность материальных, физических, социальных потерь, обусловленная функционированием социальных институтов и поведением индивидов в рамках данных институциональных условий. Соответственно, субъектом таких потерь может быть общество, а также отдельные индивиды и группы, и тогда риск – это непосредственная угроза для их жизненных шансов [Гиденс, 1994].

По аналогии с экономическим понятием воспроизводство человеческого потенциала может быть простым и расширенным: в этих случаях речь идет о сохранении и увеличении человеческого потенциала. Кроме того, можно говорить и о сокращении человеческого потенциала («отрицательное воспроизводство»). Другой принцип дифференциации воспроизводственных процессов – выделение межпоколенного воспроизводства человеческого потенциала и воспроизводство собственно человеческого потенциала. В рамках семейного поведения межпоколенное воспроизводство человеческого потенциала включает рождение и воспитание детей.

Межпоколенное воспроизводство человеческого потенциала, когда речь идет о рождении и воспитании детей, не подразумевает в явном виде спрос на формируемые параметры человеческого потенциала подрастающего поколения**. Здесь можно говорить, во-первых, о его *предполагаемых* востребованных параметрах. Во-вторых, в силу большей неопределенности целевых ориентиров формирование человеческого потенциала детей не столько целерационально, сколько ценностно-рационально.

В контексте анализа воспроизводства индивидуального человеческого потенциала социальные риски предстают в следующей конфигурации:

*С целью показать качественные различия в накопленных способностях и навыках группа исследователей предлагает термин «фиктивный человеческий и социальный капитал», проявляющийся в низком уровне профессиональной подготовки, снижении значимости нравственных норм, создании культа ложных ценностей и т.д. [Социально-демографическая безопасность России, 2008. С. 13–14].

**Однако в таком ключе отдельным предметом обсуждения может быть государственная демографическая политика, стимулирующая рождение детей, что может быть интерпретировано как предъявление спроса на детей.

Теоретические индикаторы социальных рисков воспроизводства человеческого потенциала

Параметры социальных рисков	Уровень анализа			
	макро- (общество, государство)	мезо- (регион, отрасли)	микро- (индивиды, семейное окружение)	
1	2	3	4	
Ресурсный дефицит	<p>Государственные расходы на образование, здравоохранение, на развитие культуры и искусства и другие направления социальной политики</p> <p>Отношение величины доходов населения к величине минимального потребительского бюджета;</p> <p>структура населения по ресурсной обеспеченности</p> <p>Доля государственных расходов и расходов населения на здравоохранение в общем объеме расходов на здравоохранение; доля государственных расходов и расходов населения на образование в общем объеме расходов на образование</p> <p>Образовательная мобильность (межрегиональная, между уровнями образования)</p>	<p>Отношение величины заработной платы в отрасли к величине минимального потребительского бюджета</p>	<p>Отношение величины среднедушевых доходов в семье к величине минимального потребительского бюджета</p>	
Неравенство в доступности и качестве социальных услуг				<p>Время ожидания медицинской услуги; доля населения (%), не получившего медицинские услуги при потребности в них; доля социальных групп (%) среди получивших социальные услуги по сравнению с долей этих групп в общей совокупности (при условии равенства потребности в данных услугах)</p>
Поведенческие образцы, составляющие механизмы воспроизводства человеческого потенциала				<p>Индивидуальные и семейные практики здоровьесберегательного поведения; индивидуальные и семейные практики и обучения</p>

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

1	2	3	4
Условия «капитализации» человеческого потенциала	Уровень экономической активности, занятости населения; распределение рабочей силы между сегментами рынка труда (по видам экономической деятельности, работающие по найму и не по найму, в том числе самозанятые; формальная и неформальная занятость и др.); масштабы и характер безработицы; структура населения (экономически активного населения) по величине оплаты труда; социальный статус (престиж) профессиональных занятий		Величина и форма оплаты труда; дополнительные социальные и материальные блага, получаемые индивидом от предприятия (фирмы) или государства в качестве вознаграждения за использование его человеческого потенциала; вид (постоянная, временная, сезонная, случайная, по/не по найму) и сфера занятости; перспективы карьерного и профессионального роста

- дефицит ресурсов для воспроизводства человеческого капитала на макро-, мезо- и микроуровнях;
- неравенство в доступности социальных услуг (медицинских, образовательных, рекреационных и др.) и их качестве;
- формирование поведенческих образцов, разрушающих механизмы индивидуального и межпоколенного воспроизводства человеческого потенциала;
- неблагоприятные условия «капитализации» (реализации) человеческого потенциала.

В качестве гипотез исследования мы предполагаем, что масштаб ресурсной обеспеченности обуславливает диапазон способов и практик сохранения и развития человеческого потенциала; качество социальной инфраструктуры региона проживания задает возможности использования экономических ресурсов для развития человеческого потенциала.

Ниже представлены теоретические индикаторы, на которых может базироваться эмпирическое исследование рисков формирования, использования и воспроизводства человеческого потенциала (табл. 1).

В интерпретации значений показателей воспроизводства человеческого потенциала важно учитывать субъектность и объектность рисков, т.е. одно и то же явление может иметь разные последствия для различных индивидов и социальных групп. К примеру, образовательная мобильность и связанный с ней переезд в другой регион порождают риск сокращения человеческого потенциала региона-донора, если у совершающих мобильность нет установок на возвратную миграцию. Если принимающий регион заинтересован в притоке населения, «входящая» образователь-

ная мобильность будет иметь для него позитивное значение. Но цепь этих рассуждений можно продолжать с точки зрения возможных рисков, порождаемых большим потоком мигрантов и их адаптацией к локальным условиям.

В качестве резюме отметим, что заключения о рисках, сделанные на основе статистических и социологических исследований, – это обозначение веера возможных последствий настоящей ситуации, принимаемых в ее рамках решений, а также условий, при которых тот или иной вариант развития ситуации наиболее вероятен. Необходимо отдавать себе отчет в том, что оценка последствий как рискованных, т.е. несущих потери для человеческого потенциала, не лишена ценностной составляющей или, как минимум, соотношения с целями социально-экономического развития. Это подразумевает включенность социологов не только в интерпретацию возможных последствий, но и в социальное проектирование.

Глава 2

РИСКИ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Демографический фактор всегда играл фундаментальную роль в истории любого государства, поэтому демографическая безопасность рассматривается как наиважнейшая составная часть, ядро национальной безопасности, поскольку все остальные составляющие национальной безопасности, начиная от военной и кончая экологической, оказывают значительное влияние, в конечном счете, именно на демографическую сферу.

В последнее время в связи со сложной демографической ситуацией в стране проблема демографической безопасности приобретает особую актуальность.

2.1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ.

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ

В современной литературе под демографической безопасностью понимается «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей» [Геополитика и национальная безопасность..., 1999]. Демографическая безопасность, по мнению Л.Л. Рыбаковского, «может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства. Демографическая безопасность – это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотношение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [Рыбаковский, 2004].

На территории СНГ детальная разработка этой проблемы была принята белорусскими демографами и социологами. На основе их исследования в 2002 г. президентом А. Лукашенко был подписан первый в СНГ закон «О демографической безопасности Республики Беларусь». Понятие демографической безопасности они определяют как «состояние защищенности жизненно важных демографических процессов от реальных и потенциальных угроз» [Шахотько, Привалова, 2001, с. 16–21]. Такое определение позволяет авторам выделить предмет исследования как совокупность мер, направленных на нейтрализацию уже

существующих и предупреждение возникновения потенциальных угроз безопасности в демографической среде.

Учитывая наработанный опыт при формировании нашего авторского понятия демографической безопасности, мы исходили из следующих основных моментов. Во-первых, поскольку основным предметом демографической науки является воспроизводство населения, непрерывный процесс возобновления поколений и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), то рассматриваемое понятие должно исходить из целевых установок именно процесса воспроизводства населения. Во-вторых, это понятие должно содержать в себе возможности оценки и измерения безопасности/опасности существования основных компонент процесса воспроизводства и формирования населения – рождаемости, смертности, состояния здоровья, семейной структуры, миграции.

Следуя этому, под демографической безопасностью мы будем понимать состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. Демографические угрозы – явления, тенденции и действия, которые оказывают отрицательное воздействие на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства.*

Перечень демографических угроз на разных этапах формирования и развития общества (страны) может быть различным. Так, если до начала XIX в. в России основной причиной смертности были инфекционные заболевания, сопровождающиеся массовыми вымираниями (эпидемиями), то, естественно, основные риски смертности были связаны именно с этой группой заболеваний. Современные же риски смертности имеют иную природу.

Типы угроз могут различаться в зависимости от признака, принятого за основу классификации [Социально-демографическая безопасность России, 2008]:

- по степени универсальности* – общие и специфические;
- по времени действия* – постоянные, длительно действующие, краткосрочные;
- по способу действия* – открытые (явные) и скрытые (латентные);
- по источникам возникновения* – естественные (природная стихия) и искусственные (результат человеческой деятельности);
- по характеру возникновения* – преднамеренные (с целевой установкой на возникновение) и непреднамеренные;
- по характеру действия* – проявляющиеся постепенно или внезапно, причиняющие ущерб прямо (непосредственно) или косвенно;

*Национальные цели демографического развития должны формироваться, исходя из демографических интересов государства, общества и личности с соблюдением конституционных прав граждан.

по степени опасности – с последствиями устранимыми, неустранимыми, устранимыми частично;

по возможности предотвращения – угрозы, которые можно предупредить полностью, частично и невозможно предотвратить совсем.

Указанные признаки могут быть положены в основу многомерной классификации угроз демографической безопасности.

В целом разработка проблемы демографической безопасности на региональном уровне должна включать в себя следующие важнейшие этапы:

- формирование целевых установок, на которые должна быть ориентирована демографическая безопасность;
- определение факторов, формирующих демографические угрозы;
- выявление реальных и потенциальных демографических угроз;
- разработку индикаторов демографических угроз и определение предельных критических значений состояния отдельных составляющих демографической среды: формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), естественного и механического движения, отдельных характеристик семьи;
- создание методики построения обобщенной индикативной оценки региональных демографических угроз и проведения сопоставимого регионального анализа;
- разработку механизма обеспечения демографической безопасности.

Целью демографической безопасности является создание условий, необходимых для нейтрализации реальных и предупреждения возникновения потенциальных демографических угроз. Это общая цель для всей страны в целом. *На уровне Сибири и восточных регионов страны важной целью демографической безопасности, имеющей не только социально-экономическое, но и геополитическое значение, является закрепление на этих территориях значительной численности постоянного населения, а также заселенность приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока.*

Среди факторов, формирующих демографические риски, выделяются внутренние и внешние по отношению к данной территории (федеральному округу, экономическому району, области, краю).

К внутренним факторам, формирующимся на уровне страны, следует отнести:

- экономико-географическое положение региона и его ресурсную базу, оказывающие влияние на формирование населения;
- исторические особенности формирования и размещения населения, сложившиеся для данной территории миграционные связи;
- уровень социально-экономического развития территории и его основных инфраструктурных элементов (жилье, образование, здравоохранение, социальная защита населения);
- сформированную экономическую и финансовую основу взаимодействия территории и центра, оказывающих значительное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад;
- нарушение этнокультурных традиций, сложившихся на протяжении длительного времени и оказывающих влияние на все составляющие воспроизводства и формирования населения;

- реализацию политики государства (в том числе демографической политики), оказывающей воздействие на все стороны жизни страны.

К внешним факторам по отношению к региону и стране в целом относятся:

- состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки;
- целенаправленная деструктивная деятельность внешних сил по формированию демографических рисков.

Рассматривая более детально внутренние факторы, формирующие демографические угрозы, отметим, что экономико-географическое положение региона и его ресурсная база, играющие важнейшую роль в экономическом развитии территории, а также в размещении и формировании населения, могут в значительной мере усилить или ослабить демографические риски. К таким рискам приводят следующие процессы: связанное с экономическим развитием и освоением ресурсной базы интенсивное «перекачивание» населения из одних регионов в другие, что, с одной стороны, создает относительную избыточность населения и перенаселенность территорий, а с другой – ведет к обезлюдению целых пространств; формирование в результате миграции половозрастных диспропорций в структуре населения, связанных с отраслевой спецификой территорий, а это приводит в свою очередь к нарушению процесса воспроизводства и массовому оттоку населения. В качестве примера можно привести специфические поселения с преимущественно мужским населением, сложившиеся в северных лесных и нефтегазоносных районах Томской и Тюменской областей, использующие мужскую рабочую силу, а также поселения преимущественного сосредоточения отраслей легкой промышленности, использующих женский труд, например Ивановская область в прошлом. Нарушение половых пропорций в демографической структуре этих территорий приводит к появлению таких социально-демографических проблем, как рост разводимости, внебрачной рождаемости, числа неполных, бездетных и малолетних семей, интенсивный миграционный обмен, не способствующий формированию постоянного населения территорий и др.

Говоря об уровне социально-экономического развития территории и его влиянии на формирование демографических угроз, необходимо отметить, что показатели социально-экономического развития территории через показатели уровня жизни населения данной территории оказывают влияние на все составляющие процесса воспроизводства и формирования населения. Особенно отчетливо это можно проследить в период радикальных преобразований, происходивших в России с начала 1990-х гг. и приведших в том числе к возникновению социально-демографических проблем, на примере таких показателей, как смертность, рождаемость и миграция.

Регионы Сибири, ориентированные ранее на экстенсивное освоение природных ресурсов, на развитие научно-производственного комплекса и оборонного потенциала страны, столкнулись с острейшими социально-экономическими проблемами. В результате за время реформ

основная масса населения столкнулась со значительными трудностями в обеспечении удовлетворительного существования своих семей. Для них реальной стала угроза неудовлетворения первичных потребностей в питании, одежде, жилище, не говоря уже об удовлетворении вторичных потребностей – доступности детских дошкольных учреждений, учреждений культуры и досуга*. Это оказало существенное влияние на смену жизненных стратегий и ценностных ориентаций населения, направленных не на развитие, а на поиск доступных средств существования, переход на новые рабочие места, часто не соответствующие профессиональным и образовательным возможностям личности, на рост социальной отчужденности и люмпенизацию отдельных слоев населения. В такой ситуации у людей возникает чувство неуверенности и тревоги за свое будущее. И как следствие этого – широкое распространение алкоголизации и наркотизации населения, рост заболеваемости и смертности, в том числе и молодого населения трудоспособного возраста, прежде всего, от несчастных случаев, отравлений, травм, нервных расстройств, убийств и суицидов.

Эти же психологические факторы (неуверенность и тревога за свое будущее) сыграли важную роль и в формировании репродуктивного поведения населения, значительно сократив уровень рождаемости и усилив негативную составляющую естественного прироста. Экономический кризис 1998 г. еще более усугубил ситуацию. Однако стоило властям после 2005 г. уделить внимание нуждам граждан, как это тут же положительно отразилось на демографических показателях. Отрицательный естественный прирост стал быстро сокращаться, и в 2009 г. впервые с 1993 г. СФО удалось выйти на положительный естественный прирост (1221 чел.), даже несмотря на кризис, начавшийся в 2008 г. Таким образом, мы видим, что демографическая сфера весьма чувствительна к внешним воздействиям, как позитивным, так и негативным. И усилия, приложенные для улучшения демографической ситуации, вовсе не бесполезны, как утверждали некоторые скептики, а, наоборот, оказались даже более результативны, чем ожидалось.

Кроме того, в 1990-е гг. произошло снижение миграционной активности населения. Разделенные огромными пространствами, многие россияне оказались не в состоянии реализовать свои миграционные намерения. В результате показатели межрегиональной миграции в 1992–2004 гг. уменьшились вдвое: численность прибывших снизилась с 4,4 млн чел. в 1992 г. до 2,2 млн чел. в 2004 г., а численность выбывших – с 3,9 млн до 2,1 млн чел., соответственно. Изменился и вектор перемещения населения: от заселения территорий с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в южные и центральные регионы России, в крупные урбанизированные центры; миграционные связи с большинством стран СНГ стали односторонним движением в Россию; усилился «западный дрейф» мигрантов через выраженную полярность центра страны (притягиваю-

*Доля работников с заработной платой ниже прожиточного минимума в Сибири составляла в 2000 г. 44,4 %, а в 2002 г. – 28,4 %.

шего население всех районов) и Дальнего Востока (отдающего население всем регионам) [Иностранные мигранты..., 2006].

Значительное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад оказала и *сложившаяся экономическая и финансовая основа взаимодействия территории и центра*, когда значительные финансовые потоки концентрируются в крупных городах европейской части России. То есть в случае межрегиональных различий в уровне жизни населения перемещение рабочей силы осуществляется вслед за капиталом и, пока не устранены диспропорции в перераспределении капитала, миграционная картина не изменится.

Особо следует отметить такой фактор формирования демографических угроз, как *нарушение этнокультурных традиций населения страны*. Культура является способом адаптации к окружающей действительности. Она вырабатывается на протяжении веков, предоставляет уникальную возможность доступа к будущему, и ее резкое изменение может привести к дезориентации со всеми вытекающими негативными последствиями. Попытка сменить культурную парадигму, агрессивное навязывание совершенно чуждых большинству россиян норм и ценностей, идущих со стороны Запада при массивной поддержке СМИ, приводит в России к деградации общества и, соответственно, к вырождению. В этой связи следует отметить, что в регионах, сохранивших национальные традиции, сложилась более благоприятная демографическая ситуация, чем в России в целом, и депопуляция им пока не грозит. Это происходит либо за счет традиционно высокой рождаемости, что характерно, например, для некоторых коренных народов Сибири, либо за счет повышенной по сравнению со среднероссийским уровнем рождаемости и более низкой смертности, как это происходит на Северном Кавказе. Причину относительно низких показателей смертности населения республик Северного Кавказа исследователи видят среди прочих в практическом отсутствии среди мусульманского населения алкоголизма, который столь пагубно влияет на население в депрессивных регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока и которому особенно подвержены коренные народы Сибири и Севера. Кроме того, возможность вести подсобное хозяйство в условиях благоприятного климата, развитые родовые связи и взаимопомощь делают человека более устойчивым ко всякого рода кризисам и воздействиям извне. А кроме того, традиционно существующее на Кавказе уважение к пожилым людям, которые не чувствуют себя балластом для общества, а наоборот, выполняют важную функцию передачи знаний и традиций новым поколениям, способствует большей продолжительности жизни.

Что касается последнего из внутренних факторов – *реализации политики государства*, то следует отметить, что после распада СССР на протяжении почти десяти лет в России не были сформулированы даже цели демографического развития страны. Поразительно, но за почти два десятилетия депопуляции не было ни одной сессии Академии наук, Медицинской академии, Минздрава, Государственной Думы, посвященных важнейшему вопросу – поиску причин сверхвысокой смертности, в том

числе сильно возросшей смертности от болезней системы кровообращения. Лишь в сентябре 2001 г. была принята Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., которая своей целью провозглашала стабилизацию численности населения и создание предпосылок его роста с учетом мобилизации как воспроизводственных, так и миграционных компонент. Комплекс мер демографической политики касался в ней трех основных направлений: повышения рождаемости и укрепления института семьи; улучшения здоровья и роста продолжительности жизни; обеспечения необходимого миграционного прироста и совершенствования привлечения и использования трудовых мигрантов. Однако никаких реальных программ в соответствии с Концепцией на федеральном уровне разработано не было. В некоторых регионах России в эти годы разрабатывались планы мер по реализации региональной демографической политики, учитывающей специфику территорий. Однако ориентация на собственные ограниченные ресурсы при отсутствии поддержки со стороны федеральных властей, а самое главное, слабая проработка целей и механизмов их достижения, привели к тому, что эти усилия имели незначительный и неустойчивый эффект.

Если каждый из приведенных выше внутренних факторов формирует демографические риски как в составляющих естественного, так и всех видов механического движения населения, то такой из внешних факторов, как *состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки*, касается только межгосударственной миграции.

В начале 1990-х гг. при переходе стран, образовавшихся после распада СССР, к рыночной экономике в результате сокращения производства и роста безработицы произошло массовое вытеснение людей в этих странах из привычной для них среды существования, и значительная часть из них сформировала внешние по отношению к России потоки иностранной рабочей силы.

Благоприятность условий регионов России для развития трудовой миграции 1990-х гг. заключалась в лояльности законов принимающей стороны, а также в отсутствии юридических ограничений, позволяющих свободно пересекать «прозрачные» в то время государственные границы, провозить коммерческий груз, пребывать и работать без законодательных препятствий. И только к началу нового тысячелетия вводятся новые официальные нормы международной миграции для стран СНГ. Важным фактором иностранной трудовой миграции стало и то, что как части бывшего государства эти страны имели схожее правовое поле, однотипную номенклатуру профессий, общую принадлежность сразу к двум языковым ареалам (например, русский и тюркский), а пребывание долгие годы в единой социальной структуре и идеологии выработало у населения этих стран общие коммуникативные нормы и образцы социальной организации.

Однако, несмотря на значимые социальные функции, потоки такой миграции привнесли и целый ряд рисков: нарушение этнодемографического баланса территорий вселения, межнациональные конфликты, рост

наркомании, этническую преступность, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угрозу потери стратегических территорий и т.д. Эти риски часто по своему негативному эффекту перекрывают все преимущества, связанные с массовым привлечением мигрантов с целью усиления трудового и демографического потенциалов территорий.

Другим важнейшим внешним фактором является *целенаправленная деструктивная деятельность внешних сил* по формированию демографических рисков [Соболева, Чудаева, 2008]. В высказываниях некоторых видных западных политиков звучала мысль о том, что Западу не нужна сильная Россия, после проигрыша в холодной войне она должна быть расчленена, а ее роль низведена до сырьевого придатка, обеспечивающего ресурсами благополучные страны. И важнейшую роль в ослаблении страны должно сыграть сокращение численности населения через снижение рождаемости и рост смертности.

В стратегии национальной безопасности США в качестве важнейших составляющих декларируется обеспечение беспрепятственного доступа к ключевым районам мира и глобальным ресурсам. На Западе уже неоднократно озвучивались идеи о том, что огромные ресурсы России должны быть интернационализированы. Два бывших госсекретаря США М. Олбрайт и К. Райс формулировали этот тезис практически одинаково: Сибирь слишком большая, и несправедливо, что она принадлежит только одной стране. А вот что писал З. Бжезинский в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство»: «...чтобы удержать Сибирь, России понадобится помощь: ей не под силу одолеть эту задачу самостоятельно в условиях переживаемого ею демографического спада и новых тенденций в соседнем Китае». А вот как выглядит эта помощь на практике: в начале 1990-х гг., когда Россия находилась в шоковом состоянии от инициированных Западом и проводившихся под его контролем реформ*, практически лишенной суверенитета и имевшая огромный внешний долг, для США наступил подходящий момент для обсуждения возможности покупки Сибири, которую Россия, по их мнению, никогда не сможет не только освоить, но и даже заселить, по аналогии с Аляской. Можно также вспомнить и нашумевшую работу ученых из Брукингского института, одним из основных выводов которой было утверждение о том, что в Сибири жить невозможно, отсюда следовал совет – переселить население на территории с более благоприятным климатом. То есть самим расчистить богатую природными ресурсами территорию от населения для новых хозяев, что и осуществлялось, например, для некоторых северных территорий за счет кредитов МБРР**.

*По мнению А. Антонова, демографический кризис в России связан с социально-экономическими и политическими реформами, инициированными Западом, которые и были направлены на депопуляцию населения (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=643).

**Речь идет о переселении жителей Воркуты, Норильска и Сусуманского района Магаданской области в рамках пилотного проекта социального реструктурирования районов Крайнего Севера за счет кредитов Международного банка реконструкции и развития.

Б. Грызлов, выступая на встрече в Мурманске в 2007 г., высказался категорически против программы переселения людей с Севера. Он заявил, что освоение северных территорий является стратегической задачей для нашей страны. Между тем «есть мнение, что надо с Севера переселять людей, внедрять вахтовый метод», – заметил он. Более того, по словам спикера, существуют программы переселения людей с Севера. Это «антистратегическая программа», по мнению Б. Грызлова. Он убежден, что «наоборот, Север надо обустраивать, создавать комфортные условия для жизни». «Север для России – не обуза, – подчеркнул Б. Грызлов – 60 % валютных запасов страны поступает с северных территорий. Если говорить о месторождениях, то здесь 93 % запасов нефти, 75 % – газа, 100 % – алмазов, половина леса, 90 % меди и никеля, две трети золота – это все северные территории» [Грызлов, 2007].

Изложенные внутренние и внешние факторы, формирующие демографические угрозы и риски, в разной степени оказывают влияние на отдельные составляющие демографической ситуации.

Наиболее значимые последствия современных демографических угроз проявляются в таких характеристиках воспроизводства и формирования населения, как:

- длительное сокращение численности населения (сохранение продолжительного во времени отрицательного естественного прироста) – депопуляция;
- низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство населения, и большое число аборт, сравнимое с числом рождений;
- высокий уровень смертности, сверхсмертность мужского населения, усиление социальной обусловленности смертности за счет роста алкоголизма, наркомании, туберкулеза, проблем иммунодефицита;
- низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин и некоторых этносов;
- нарушение половозрастной структуры населения за счет естественного и механического движения и в том числе гендерная асимметрия в составе населения;
- сокращение численности населения трудоспособного возраста, его старение и в то же время рост экономической нагрузки за счет старого населения;
- снижение качества человеческих ресурсов (демографический аспект) за счет роста заболеваемости и ухудшения репродуктивного и психического здоровья;
- трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и, как следствие, – высокий уровень разводов и рост количества неполных семей и внебрачной рождаемости, рост бездетных и малолетних семей, брошенные старики и социальное сиротство и т.д., влекущие за собой целый спектр социальных проблем;
- сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса; обезлюдение в результате депопуляции и длительного мигра-

ционного оттока с обширных богатых природными ресурсами планетарного масштаба и стратегически важных территорий в условиях обостряющейся в мире борьбы за ресурсы и изменяющегося климата;

- необходимость сохранения территориальной целостности в условиях депопуляции.

2.2. МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Индикаторы демографических угроз – функциональные характеристики отдельных сторон процесса демографического воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), отражающие его негативный характер.

Каждый из индикаторов может быть описан одним или совокупностью показателей и отображает либо состояние объекта исследования, либо ход демографических процессов, их количественные и качественные характеристики в агрегированном виде.

В зависимости от тактики и задач анализа конкретных демографических проблем в методике формирования демографических индикаторов в анализе такого крупного региона, как Сибирь, следует выделять два этапа.

На первом этапе – мегауровне – необходимо определить рейтинг территорий (области, края) по отдельным наиболее важным составляющим демографического развития. На этом этапе используются агрегированные показатели, каждый из которых описывает основные количественные или качественные характеристики воспроизводства населения. С помощью такого анализа можно определить рейтинг территории, выделить области (края), находящиеся в лучшем и худшем положении относительно указанных проблем демографического развития. Данный подход предполагает разработку совокупности индикативных показателей, описывающих все стороны рассматриваемого явления. В качестве таких показателей для анализа демографических проблем на этом уровне мы выделяем следующие:

1. *Индикативный показатель естественного прироста населения*, складывающийся из трех показателей, каждый из которых учитывается с одинаковым весом (рис. 2.1).

- Коэффициент естественного прироста населения в году $t - e^t$.
- Средняя величина коэффициента естественного прироста населения за последние пять лет

$$e^{5t} = \sum_{i=t-4}^t e^i / 5.$$

- Средняя величина коэффициента естественного прироста населения за последние 10 лет

$$e^{10t} = \sum_{i=t-9}^t e^i / 10.$$

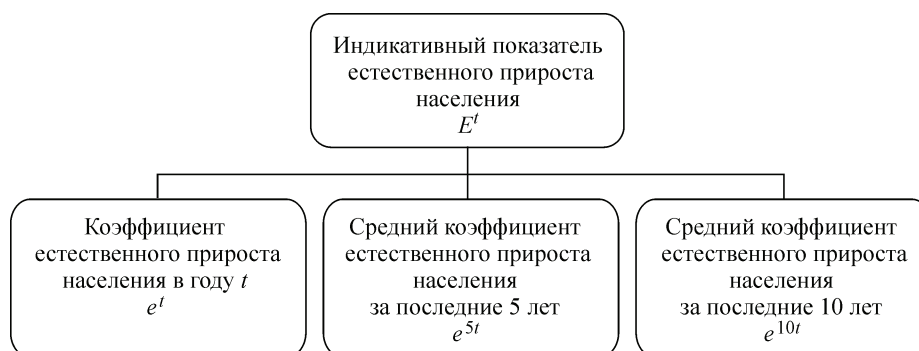

Рис. 2.1.

2. *Нетто-коэффициент воспроизводства*, показывающий степень замещения поколения женщин их дочерьми при длительном сохранении существующих уровней рождаемости и смертности.

3. *Индикативный показатель заболеваемости по нозологиям*, вносящим основной вклад в уровень смертности населения и составляющим более 80 % всех случаев смерти (H^t), складывается из трех показателей, каждый из которых учитывается с определенным весом (рис. 2.2).

- Заболеваемость населения болезнями системы кровообращения ($h^t_{\text{сист. кровооб}}$).

- Заболеваемость населения злокачественными новообразованиями ($h^t_{\text{злокач. новообр}}$).

- Заболеваемость населения, связанная с несчастными случаями, отравлениями и травмами (последствия воздействия внешних причин) ($h^t_{\text{внеш}}$).

4. *Индикативный показатель заболеваемости по социально значимым группам болезней* ($H^t_{\text{соц. знач. заболев}}$) складывается из трех показателей, каждый из которых учитывается с определенным весом (рис. 2.3).

Рис. 2.2.

Рис. 2.3.

- Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами ($h^t_{\text{алког}}$).
- Заболеваемость населения наркоманией ($h^t_{\text{нарком}}$).
- Заболеваемость населения, связанная с психическими расстройствами и расстройствами поведения ($h^t_{\text{психич}}$).

На втором этапе анализа – мезоуровне – для каждой выделенной территории (области, края) проводится углубленный динамический анализ демографической безопасности по более широкому кругу показателей, описывающих процесс воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической). Цель такого стратегического анализа состоит в выявлении угроз демографической безопасности на ранних стадиях их формирования до того момента, когда эти угрозы могут окончательно сформироваться и быть реализованы.

Каждому индикатору соответствует шкала допустимых значений его изменений, при этом важно знать предельные, так называемые пороговые значения, к которым необходимо стремиться на первом этапе хотя бы для нейтрализации или смягчения негативных демографических тенденций.

Множество всех видов показателей демографических угроз мезоуровня сводится к следующим блокам:

1. Естественное движение.
2. Состояние здоровья (качественные характеристики воспроизводства населения).
3. Демографические характеристики семьи.
4. Миграция и расселение.
5. Этнодемографическая структура.

Все показатели каждого из указанных блоков вместе со своими пороговыми значениями и вероятными демографическими последствиями представлены в табл. 2.1.

Большинство из индикаторов демографической безопасности и их пороговые (предельные) значения могут быть рассчитаны как для России в целом, так и для отдельных ее регионов с помощью данных статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 2.1

Индикаторы демографической безопасности Сибири, 2008–2009 г.

Показатель	Величина показателя	Пороговое значение	Вероятные демографические последствия
Естественное движение населения			
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за весь репродуктивный период)	1,6	2,15	Депопуляция (отсутствие простого замещения поколений), старение населения
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	67 – все население; 61 – мужчины, 73 – женщины	70 – все население; 65 – мужчины, 75 – женщины (данные по РФ в 1987 г.)	Снижение жизнеспособности населения страны, половые диспропорции, сокращение демографического потенциала
Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста (число умерших на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)	7,2 – все население; 11,0 – мужчины, 3,2 – женщины	3,8 – все население; 5,5 – мужчины, 2,3 – женщины (данные по РФ в 1960 г.)	Нарушение половозрастной структуры населения, сокращение демографического потенциала
Младенческая смертность (число умерших до года детей на 1000 родившихся живыми)	9,1	В 1,5–2 раза превышает уровень развитых стран	Сокращение численности детей, старение населения
Здоровье (качественные характеристики воспроизводства населения)			
Удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей и подростков (0–17 лет), %	12–15	80 % от общей численности детей	Ухудшение здоровья, формирование нездорового поколения
Детская и подростковая инвалидность, %	2,0	1 % от общей численности детей и подростков	Сокращение здорового поколения и демографического потенциала
Распространенность бесплодия и невынашивания, % от численности женщин, состоящих в браке	15–20	5	Нарушение процессов воспроизводства
Число прерванных беременностей на 100 родов	86	В 10 раз превышает уровень развитых стран	Значительное снижение числа родившихся, ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного, рост доли бездетных и малодетных семей
Осложнения беременности, родов и послеродового периода на 1000 рождений	1627	Необходимо снижение показателя	Негативное воздействие на здоровье (в том числе репродуктивное) матерей и их детей

Продолжение табл. 1.2

1	2	3	4
Характеристики семьи			
Число разводов на 1000 браков	602	404 (данные по РФ в 1987 г.)	Нарушение семейной структуры, рост числа неполных семей
Доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных, %	33,1	4,0	Нарушение семейной структуры, рост числа неполных семей
Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в общей численности детей, %	4,3 % от численности детей в возрасте 0–14 лет	0,5–1,0 % от численности детей	Рост числа брошенных и оставленных без попечения родителей детей, социальное сиротство
Механическое движение населения			
Коэффициент миграционного прироста (чел. на 1000 чел. постоянного населения) между регионами в пределах России	–1,0	Дифференцированный показатель в зависимости от плотности населения, стратегической важности территории и ее геополитического значения для страны	Обезлюдение территорий (в том числе стратегически важных и концентрация населения вокруг крупных мегаполисов как диаметрально противоположные проблемы демографической безопасности
Коэффициент миграционного прироста (чел. на 1000 чел. постоянного населения) в результате обмена населением с зарубежными странами	1,7	Дифференцированный показатель в зависимости от стратегической важности территории и ее геополитического значения для страны, а также этнической принадлежности мигрантов	Изменение этнической структуры, замещение своего населения пришлым инокультурным, угроза этнополитической стабильности и утраты контроля за территориями
Коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике)	4,3	Дифференцированный показатель в зависимости от стра-	Изменение этнической структуры, замещение своего населения пришлым инокультурным, угроза этнополитической

Окончание табл. 1.2

1	2	3	4
Заселенность стратегически важных территорий (в том числе приграничных) постоянным населением (плотность населения)	3,9	тегической важности территории и ее геополитического значения для страны, а также этнической принадлежности мигрантов Дифференцированный показатель в зависимости от расположения стратегически важной территории	стабильности и утраты контроля за территориями Сокращение численности поселений, обезлюдение территории

Этнодемографическая структура населения

Доля государствообразующего этноса в общей численности населения*, %	87,4	Дифференцированный по регионам показатель. Необходимо не допускать снижения ниже определенного уровня	Сокращение доли государствообразующего этноса, ослабление страны
Соотношение доли детей и доли пенсионеров в общей численности населения	1,0/1,11	1,2/1,0	Депопуляция, ухудшение возрастной структуры, рост демографической нагрузки на экономически активное население в будущем

Примечание. Данный показатель рассчитывается по данным переписи населения.

Вместе с тем, такие индикаторы, как распространенность бесплодия и невынашивания беременности, удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей, число детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, могут быть рассчитаны только на основании региональных статистических данных. Их пороговые значения для России в целом получены либо на основании экспертной оценки, либо в сравнении с развитыми странами мира. Во всей совокупности индикаторов только такой индикатор, как коэффициент трудовой иммиграции

(число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике), не отражается в статистической отчетности ни регионов, ни страны в целом. Между тем данные о потоках трудовой иммиграции из ближнего и дальнего зарубежья существуют в региональной отчетности ФМС регионов, а, следовательно, этот индикатор может быть рассчитан на уровне отдельных регионов.

Разработанные индикаторы позволяют осуществлять диагностику демографической сферы страны на данный период и в будущем, они могут рассматриваться в качестве ориентиров для разработки и реализации федеральной и региональной демографической политики государства.

Государственная политика в области обеспечения демографической безопасности должна реализовываться в региональных программах демографического развития, разработанных в отдельных субъектах Российской Федерации с учетом новой Концепции демографической политики Российской Федерации и региональных особенностей в сфере формирования демографических рисков.

В качестве субъекта демографической безопасности на региональном уровне должны выступать исполнительные органы власти в пределах их компетенции в рамках реализации целевых программ демографического развития субъекта РФ, а также контролирующие государственные органы, ответственные за безопасность страны, в том числе ФСБ. Большую помощь в обеспечении демографической безопасности могут оказать общественные организации и СМИ, чья деятельность состоит в пропаганде семейных ценностей, здорового образа жизни, самосохранительного поведения и в профилактике заболеваний. Важна и роль ученых в обеспечении информацией общества о демографических угрозах, их последствиях и мерах, принимаемых для обеспечения демографической безопасности.

Глава 3

ЭТНИЧЕСКИЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ТЕОРИЯ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ

В современной России особую значимость приобретают вопросы прогнозирования развития. «Не реализовав масштабный, долгосрочный проект демографического развития, наращивания человеческого потенциала, освоения своих территорий, мы рискуем превратиться в глобальном смысле в “пустое пространство”, судьба которого будет решаться не нами» [Путин, 2012]. Развитие человеческого потенциала становится стратегической задачей государства.

Впервые понятие «человеческое развитие» было сформулировано в 1990 г. в докладе Программы развития ООН в контексте «расширения спектра выбора» личности. Важнейшими элементами выбора были признаны: «жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни»; дополнительными факторами стали политическая свобода, гарантированные права человека и самоуважение [ООН опубликовала Индекс человеческого развития..., 2011]. Время показало недостаточность этого определения, и в 2010 г. было предложено новое: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на нашей общей планете» [Доклад о развитии человека..., 2010].

В Докладе о человеческом развитии 2011 г. (Human Development Report) – «Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех», подготовленном Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Россия занимает 66 место из 187 с индексом человеческого развития 0,755 и находится в середине списка высокоразвитых, по оценке ПРООН, государств. Это демонстрирует относительно высокое качество человеческого потенциала и одновременно ограничения в его развитии, связанные с проблемами социально-экономического неравенства, низкой продолжительностью жизни, экологическими проблемами, высокой межнациональной напряженностью и проч. [Устойчивое развитие..., 2012]. Ограничения в развитии человеческого потенциала формируют пространство риска. В современных исследованиях методология оценки рисков сквозь призму интересов общества и личности предполагает использование двух основных методологических подходов.

Традиционно риски в социально-политическом и социокультурном измерениях описываются на основе концепции идентичностей (включа-

ющих этничность). Этот подход опирается на категории «меньшинства» и «базовых групповых человеческих потребностей» и на понятие «групп риска». Согласно этим подходам, социум (этническая группа) обладает некими базовыми потребностями – стремлением к обеспечению выживания, целостности и суверенитета. Если сообщество (меньшинство) не может удовлетворить свои «базовые потребности», испытывая различные формы социальной депривации и политической дискриминации, оно пребывает в состоянии риска и может либо исчезнуть, либо начать борьбу в защиту своей идентичности. При таком подходе, риск – это существование или возможность возникновения ситуации, когда формируются предпосылки противодействия реализации базовых этносоциальных ценностей личности или группы; они являются факторами развития конфликта – конфликтогенными факторами.

Одним из примеров исследований в такой парадигме является проект «Меньшинства в состоянии риска» (Minorities at Risk/MAR). Проект был инициирован Т. Гарром в 1986 г.; с 1988 г. работу по нему вел Центр международного развития и управления конфликтами Университета Мэриленда (The Center for International Development and Conflict Management/CIDCM). Проект обобщил данные об этнических меньшинствах и конфликтах с участием меньшинств в странах мира с населением более 500 тыс. чел. Статистическая база данных и ее аналитика разрабатывались на протяжении 2000-х гг. Информация по этническим меньшинствам была представлена следующими группами показателей: I) характеристики сообщества (индикаторы идентичности; оценки численности населения; показатели различности; концентрация); II) статус (индикаторы исторического опыта автономизации и сепаратизма; организация групп и представительство; притеснения); III) внешняя поддержка (поддержка родственных групп, иностранных государств и неправительственных организаций); IV) конфликтное поведение (внутриобщинные конфликты; межобщинные конфликты; протестное поведение; восстания и бунты; репрессии государства в отношении групп меньшинств) [Minorities at Risk Project, 2009].

Проект определял «меньшинство в состоянии риска» как группу, которая претерпевает коллективные страдания и систематическую дискриминацию в обществе и мобилизуется для отстаивания интересов или собственной защиты. С 2004 г. появились следующие дополнительные критерии: членство в группе обусловлено преимущественно происхождением; членство в группе осознается как важное в психологическом, нормативном и стратегическом аспектах; члены группы разделяют некие общие культурные нормы, такие как язык, религия и обычаи; группа насчитывает, как минимум, 100 тыс. чел. и составляет не менее 1 % от общего населения страны. В ходе исследований была обоснована 71 ключевая переменная анализа. Этим критериям удовлетворяли 282 этнополитические группы. Проект имел две смежные базы данных: «Организации меньшинств» (Minorities at Risk Organizational Behavior) – 118 этнополитических организаций, представляющих 22 группы меньшинств

из 26 стран Среднего Востока и Северной Африки за 1980–2004 гг.; «Дискриминация» (Discrimination Dataset) – показатели уровня политической и экономической дискриминации групп, входящих в базу «Меньшинства в состоянии риска» за 1950–2003 гг. [Minorities at Risk Project, 2009].

Проект «Меньшинства в состоянии риска» опирался на теорию и практики оценки и регулирования мировых социокультурных и политических процессов, сложившихся в XX в. По мнению ведущих аналитиков современности, в том числе М. Кастеллса, это была эпоха меньшинств и различных социальных и культурных движений, которые представляли собой реакцию на глобальную экономическую и культурную унификацию. «Власть идентичности» правила миром [Castells, 1997]. После Второй мировой войны одновременно с крушением колониальной системы и развитием транснациональной миграции в мировых законодательных и общественных практиках утвердилось признание этнокультурного многообразия как важнейшей характеристики социальной гармонии.

К числу документов, подтвержденных ООН, ЮНЕСКО, МОТ и другими международными организациями и ориентированных на утверждение принципа культурного многообразия, относятся: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.); Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (1989 г.); Декларация тысячелетия (2000 г.); Хартия земли (2000 г.); Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.); Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003 г.); Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и доступе к киберпространству (2003 г.); Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.); Всемирный доклад о культурном разнообразии (2008 г.) и т.д. Согласно Всемирной декларации ЮНЕСКО, защита культурного разнообразия является этическим императивом человечества: «Она подразумевает обязательство уважать права человека и основные свободы, особенно права лиц, принадлежащих к меньшинствам, и права коренных народов. Недопустимо ссылаться на культурное разнообразие для нанесения ущерба правам человека, гарантированным международным правом, или для ограничения сферы их применения» [Всеобщая декларация ЮНЕСКО, 2001].

В начале XXI в. парадигма полиэтничности остается одной из доминант политического структурирования не только России, но и мирового сообщества в целом. Утрата этничности, как одной из составляющих структуры идентичностей современного человека, часто расценивается с позиций риска. Но при этом, характеризуя события XX в., эксперты отмечают, что он войдет в историю как период противостояния двух важнейших тенденций: растущего осознания групповой солидарности, основанной на религиозных, этнических и других идентичностях, с одной стороны, и политической консолидации и глобализации – с другой.

В сентябре 2002 г. в Страсбурге проводился симпозиум Совета Европы, на котором в рамках проекта «Межкультурный диалог и предуп-

реждение конфликтов» экспертным сообществом обсуждались источники и детонирующие механизмы межкультурных и межрелигиозных конфликтов, определялись меры предупреждения этих конфликтов, а также меры урегулирования постконфликтных ситуаций. Целью этого симпозиума, как указано в отчете о его работе, являлось «помочь управленцам на всех уровнях (локальном, региональном и национальном), гражданскому обществу и акторам, работающим на местах, определить политику диалога, включающую в себя все способы выражения культурного многообразия». В том же документе межкультурный и межрелигиозный диалог рассматривается как один из главных способов предупреждения или урегулирования уже возникшего конфликта – идея, нашедшая свое окончательное оформление в Белой книге Совета Европы по межкультурному диалогу [Dialogue au service, 2002].

Риск возникновения конфликтов связан со столкновением различных систем ценностей. На макроуровне это выражено возможностью возникновения конфликтов при взаимодействии в одном государстве различных этнокультурных сообществ, а также между государствами (экстремизм, национализм, мигрантофобия, этноцентризм и др.). В Белой книге Совета Европы по межкультурному диалогу, изданной в 2008 г., к таким рискам причисляется следующее:

- 1) развитие стереотипного представления о других культурах, установление климата взаимного недоверия, напряженности и беспокойства в обществе, провоцирующего развитие нетерпимости и дискриминации;
- 2) лишение человека возможности новых культурных открытий, которые необходимы личностному и социальному развитию индивида в контексте глобализации;
- 3) образование замкнутых, изолированных сообществ, ведущее к развитию в них удушающего конформизма;
- 4) создание благоприятной почвы для появления и развития экстремизма, трансформирующегося в терроризм;
- 5) создание в изолированных и настроенных враждебно по отношению к другим культурам сообществах неблагоприятного климата для индивидуальной автономии личности и свободного осуществления прав человека и основных свобод;
- 6) возникновение масштабных общественных конфликтов и потрясений, уносящих миллионы человеческих жизней [Livre Blanc sur le dialogue interculturel, 2008].

Лидер этнополитологии в России В.А. Тишков подчеркивает: «Вторая половина XX века стала свидетелем действительно глобального явления – эскалации насилия и войн внутригосударственного характера. Большинство этих войн и конфликтов – это так называемые войны “за идентичность и веру”, т.е. войны за этническое самоопределение, сепаратистские или ирредентистские политические проекты. Часть конфликтов – это вооруженная борьба за власть над центральным правительством разных соперничающих группировок, опирающихся на представителей той или иной этнической или религиозной общины, проживающих в едином государстве. Только за период с 1990 по 1995 г. 70 государств были

вовлечены в 93 войны, в которых было убито 5,5 млн чел. Три четверти этих жертв – гражданское население, включая один миллион детей». В том числе вооруженные действия в Чечне 1994–1996 и 1999–2001 гг. унесли более 40 тыс. жизней российских граждан [Тишков, 2012].

Конфликты, рожденные конкуренцией идентичностей, ставят под угрозу возможность воспроизводства человеческого потенциала. Признавая значение этнокультурного многообразия и настаивая, вслед за В.А. Тишковым, на выработке в обществе конструктивного (позитивного и толерантного) отношения к этой стороне российской действительности, авторы данного текста ориентируются на приоритетность эффективной политики государства в пользу личности и общества. На протяжении 1990–2000-х гг. кампании Чеченской войны, конфликты в Дагестане, Осетии, Карелии, на Ставрополье сделали важными для России разработку стратегий нейтрализации этнических рисков и предотвращения конфликта через эффективное управление полиэтничными сообществами.

По определению одного из ведущих антропологов-экспертов России М.Н. Губогло, «содержание новой этнической политики состоит в расширении спектра самовыражения этничности путем разработки механизмов, способных примирить политико-правовые интенции и интегративные задачи государства по созданию юридически обоснованной солидарности граждан, т.е. согражданства, с жизненно важными социально-демографическими, культурно-языковыми и психологическими аспектами этнических общностей и групп. Долгосрочность ее вытекает из признания многоэтничности постоянно действующим фактором» [Губогло, 2003, с. 721].

Этническое многообразие современной России признается политическим и культурным императивом на уровне политического, академического и легитимного общественно-публицистического дискурсов. Но определение риска лишь на основе методологии и практики этнического партикуляризма представляется не достаточно эффективным. Всестороннее изучение этносоциальных процессов последних десятилетий, оценка развития этносоциальных и культурных взаимодействий различного, в том числе транснационального, уровня, пересмотр ценностей мультикультурализма в пользу интеркультурализма и, наконец, понимание того, что этносоциальные и политические проблемы возникают не только из-за протестов меньшинств, но и из-за позиции большинства, приводят к корректировке методологических принципов этносоциальных исследований. Как считает В.А. Тишков, «наступающий новый век будет временем реакции групп большинства на несостоятельные проекты от имени меньшинств по разрушению общего политического пространства вместо улучшения системы правления и культурной политики в рамках общего государства» [Тишков, 2000].

Оценивая в рамках данного исследования риск как потенциальную возможность материальных, физических, социальных потерь общества, отдельных индивидов и групп и угрозу для их жизненных шансов, следует подчеркнуть, что в сфере долгосрочного планирования и государственной политики эта категория соотносится с представлением о национальной безопасности.

Ориентация на приоритет государства и концепцию гражданской нации определяет методологический подход к оценке рисков, который становится реальностью российской гуманитарной науки в последнее десятилетие. При оценке современной ситуации в России авторы фундаментального исследования «Стратегические риски России: оценка и прогноз» (2005 г.) используют категорию стратегических рисков, подразумевая под ними «угрозы национальной безопасности и устойчивому развитию страны, обусловленные уязвимостью населения, хозяйственных объектов и окружающей их природной среды к разрушительному воздействию различных источников и факторов опасности... В более же узкой трактовке, как управленческой категории, стратегический риск может рассматриваться в качестве меры возможности наступления негативных последствий для национальной безопасности и устойчивого развития страны при принятии неэффективных или непринятии стратегических решений в сфере (обще)государственного управления» [Стратегические риски..., 2005, с. 35]. Речь идет о сочетании вероятности таких неблагоприятных событий (кризисов, катастроф, стихийных бедствий и проч.) и ущербов от них, которые существенно снижают уровень защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [Стратегические риски..., 2005, с. 35].

К числу стратегических рисков наряду с прочими отнесены: возрастание угроз терроризма, возможность внутригосударственных межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных конфликтов; соединение межэтнических и межконфессиональных конфликтов, когда те и другие принимают экстремальные формы; изменение социальной структуры и духовный кризис также соотносятся с этнокультурными и социально-политическими трансформациями общества и формируют современные риски России [Стратегические риски..., 2005].

Говоря об этнических аспектах рисков развития человеческого потенциала в рамках данной работы, следует сослаться на Концепцию национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. в ее новой редакции 2000 г. и Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденную Указом Президента от 12 мая 2009 г. В концепции государственной национальной безопасности России подчеркивается: «Негативные процессы в экономике лежат в основе сепаратистских устремлений ряда субъектов Российской Федерации. Это ведет к усилению политической нестабильности, ослаблению единого экономического пространства России и его важнейших составляющих – производственно-технологических и транспортных связей, финансово-банковской, кредитной и налоговой систем. Экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей способствуют усилению напряженности во взаимоотношениях регионов и центра, представляя собой угрозу федеративному устройству и социально-экономическому укладу Российской Федерации. Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного

экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов» [Концепция национальной безопасности РФ..., 2000].

Развитие концепта национальной безопасности связано с утверждением по Указу Президента РФ от 19 декабря 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., ориентированной на обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности России, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечение конституционных прав и свобод граждан.

Стратегия, предполагающая активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развитие их языков и культур, является частью стратегического планирования в сферах обеспечения национальной безопасности. Она носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер; призвана развивать потенциал многонационального населения Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей) [Стратегия государственной национальной политики..., 2012].

Национальная безопасность, таким образом, соотносится с исторически сформированной полиэтничной структурой России, в настоящее время закреплённой в иерархии этнополитических и этнотерриториальных автономий, в сложной инфраструктуре национально-культурных центров, автономий и проч. Признание необходимости сохранения этнокультурного многообразия, ориентированного на идентичность, при условии интеграции определяет специфику исследовательского подхода в рамках данной работы.

Итоги международных и российских программ мониторинга конца 2000-х гг. позволяют утверждать, что не менее 65–68 % населения страны ощущают себя российскими гражданами. Но при этом этничность сохраняет свою актуальность в их самоопределении. Данные всероссийского опроса Института социологии РАН 2011 г., приведенные Л.М. Дробижевой, показывают, что 82 % опрошенных относят себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности», и 79 % полагают, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» [Дробижева, 2011].

Полиэтничность во многом определяет перспективы развития государства, контекст становления российской гражданской нации и ее ценностей и перспективы развития человеческого потенциала на общегосударственном и региональном уровнях.

Оценка рисков в этнической сфере сопряжена с категорией конфликта, которая активно разрабатывается в мировой науке, начиная с 1950-х гг. Первоначально этничность оценивалась лишь как вторичный признак, как эпифеномен*. Существовало представление о том, что этнические конфликты будут отходить на второй план по мере модернизации

*Эпифеномен – придалок к явлению (феномену) побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния (БСЭ).

ции. Однако этноконфликты не прекращались, и к концу XX в. в мировой науке утвердился полипарадигмальный подход их изучения. В.А. Тишков рассматривает этнический (этнополитический) конфликт «как форму гражданского противостояния на внутригосударственном или трансгосударственном уровнях, при котором хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности». Этнополитические конфликты предполагают борьбу различных социальных групп, организованных по этническому признаку, который становится основанием их идеологического и политического противостояния [Тишков, 2012, с. 634].

Этнические конфликты относятся к числу наиболее реальных рисков современного мира и России. Они возникают в результате социальных и экономических причин, однако основой для их возникновения является феномен этнических интересов и памяти. Рост напряженности в ходе этнического конфликта сопровождается эскалацией насилия, развитием этнонационального фанатизма и установлением иррациональных стандартов во взаимодействиях. Конфликт способен развиваться от кризиса (вызова) к реализованной опасности. Динамическая модель конфликта предполагает, что любой конфликт, прежде чем обрести открытую форму, проходит ряд латентных стадий и предполагает фазу риска.

При всех различиях в подходах и трактовках, в отечественной науке под риском стали понимать существование или возможность возникновения такой ситуации, когда формируются предпосылки (накапливается потенциал) противодействия реализации национальных ценностей, интересов и целей решению задач обеспечения национальной безопасности. Ориентируясь на достижение стратегических целей, российская наука обратилась к созданию системы управления конфликтами и рисками. С 1990-х гг. началась активная деятельность по непрерывному обновлению и анализу информации, а также осуществлению контроля над общественными процессами с целью предотвращения и минимизации рисков, оценки эффекта их воздействия на реализацию стратегической цели.

В 1993–1995 гг. были осуществлены масштабные исследования, посвященные конфликтам, в том числе проект «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов». В 1996 г. Центром социологии межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН были опубликованы материалы «Социология межнациональных отношений в цифрах» и «Россия: социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах».

В своих разработках российские авторы опирались на работы Т. Парсонса, Т. Гурра, Ч. Тилли, Р. Козора, Дэвиса Д. и др. Востребованным стало определение риска О. Борраза (Центр социологии организаций Национального центра научных исследований Франции/CNRS), данное в его работе «Политика управления рисками». Он подчеркивает, что первоначально общественные науки рассматривали риск как технологию, способную преобразовать неопределенность в измеряемую величину, или, говоря языком социологии организаций, преобразовать «плохо

структурируемые проблемы» в проблемы, поддающиеся изучению. Эта технология позволяла определить причины, вероятность возникновения или последствия случившегося, изначально заключавшего в себе неопределенность (как несчастный случай на производстве). В основе такого подхода к определению риска лежал статистический инструментарий, на смену которому пришли научно-технические методы, которые придали риску окраску нейтральности и даже аполитичности.

Сегодня, по мнению О. Борраза, риск рассматривается как качественная характеристика. Речь идет о качестве, которое присваивается деятельности, субстанции или объекту, представляющим неопределенность для интересов, ценностей или целей индивидов, групп или организаций. Таким образом, риск является результатом процесса наделяния качеством (оценки) деятельности, субстанции или объекта, целью которого является снижение неопределенности, их окружающей, с тем, чтобы превратить процессы, с ними связанные, в управляемые. Риск – это качественная характеристика, которой то или иное явление наделяется различными социально-экономическими акторами и государством и которая используется для того, чтобы привлечь к той или иной проблеме внимание и подтвердить необходимость (со стороны государства) обеспечения безопасности [Borraz, 2008, p. 11–31].

Категория риска в связи с проблемой управления общественными и экономическими процессами все чаще возникает на уровне прикладных проектов как в мире, так и в России. В русле этой тенденции еще в 1993 г. специалистами Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) была создана сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) с целью определения рисков – существующих или потенциальных угроз конфронтации и конфликтов в странах СНГ и в России и эффективного распространения информации для возможного принятия контрмер со стороны общества и государства. В 1999 г. она была зарегистрирована как региональная общественная организация «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». Оценочная направленность исследований 1990–2000-х гг. была переориентирована на прогностику и проблемы управления конфликтами. В России это во многом было связано с принятием в январе 2000 г. новой редакции Концепции национальной безопасности.

Сообразно с новыми задачами, содержание прикладных исследований EAWARN определяется мониторингом и компаративным анализом на основе экспертных оценок социально-культурной и политической ситуации в странах СНГ, в регионах и местных сообществах России. Разработка методики мониторинга опиралась на мировые практики анализа, начиная с 1970-х гг.

При разработке модели мониторинга директором ИЭА РАН и руководителем EAWARN В.А. Тишковым был создан перечень из 46 индикаторов – от оценки среды и ресурсов до оценки внешних условий, меняющих имидж региона, республики, народа и т.д. Уровень конфликтности рассчитывался как средняя величина баллов, выставляемых экс-

пертом по 46 индикаторам (с коэффициентом текущей значимости каждого индикатора), и представленная для удобства восприятия в процентах от максимально возможной оценки. Категория риска присутствует в этой аналитической схеме, меняя свои качественные характеристики в зависимости от реальной ситуации в регионе. Риск при индексировании конфликта или конфликтогенной ситуации может быть определен по шкале от 10 до 25 %. При этом конфликт рассматривается как динамичное явление, приоритетными в его развитии считаются факторы экономического, социального, политического и идеологического характера. Именно они могут рассматриваться с позиций оценки риска [Тишков, Степанов, 2004].

На основе изучения большого массива данных и анализа закономерностей развития конфликтов была составлена эмпирическая шкала, позволяющая определить статус текущей ситуации в регионе: общество в состоянии конфликта (конфликтность 75–100 %); частые конфликты (40–75 %); заметные конфликты (25–40 %); в обществе возникают конфликтные ситуации (10–25 %); в обществе периодически возникает напряженность (5–10 %); стабильная обстановка (менее 5 %).

Текущий мониторинг конфликтности и заключения экспертов отражены в бюллетене «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» и ежегодных докладах «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах», а также в банке данных «Этничность и конфликты в постсоветских государствах» [Тишков, Степанов, 2004].

Оценки, основанные на мнении экспертов, в значительной степени зависят от наличия или отсутствия у них полноты информации. Субъективизм таких оценок необходимо учитывать, но все же у системы экспертной оценки конфликта пока нет альтернативы. Разработчиками этой методики были даны оценки конфликтности в отношении практически всех субъектов федерации в Сибири – Томской, Иркутской и Омской областей, Республики Алтай, Республики Хакасия, Республики Бурятия, Республики Тыва, Красноярского и Алтайского краев [Тишков, Степанов, 2004; Этнополитическая ситуация в России, 2011]; но анализ ситуации в Новосибирской области не предпринимался. Данный пробел был восполнен в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН «Социальные, демографические и этнические риски развития человеческого потенциала Сибири», позволившего получить с учетом предложенной EAWARN методики оценку рейтинга конфликтности этого региона (подробнее см. главу 15).

В изучении рисков принципиальное значение имеет их верификация. Общественное сознание, в силу своей природы, в период реформ обостренно реагирует на радикальные, националистические и подобные настроения, встраивая страхи мифологического характера в систему реальных рисков для социума. Реализация крупных социальных проектов предполагает существование фактора неопределенности, что в общественном сознании трансформируется в состояние непредсказуемости будущего. Это делает общество весьма подверженным субъективным факто-

рам (слухам, настроениям лидеров мнений, локальным акциям и т.п.) и нестабильным в традиционной системе социально-экономических констант. Таким образом, общество само создает, транслирует, идентифицирует и реагирует на гипотетические риски.

Исходя из этого, применительно к оценке современной ситуации в России можно говорить о рисках, имеющих коммуникативную природу. Они субъективны по своей сути, возникают и функционируют в общественном сознании. Данные риски получают свое выражение в нарративных формах – средствах массовой информации, блогах, публицистике. Их оценка связана с выявлением и анализом социальных (этносоциальных) фобий – страхов и предрассудков, которые формируют конфликтный потенциал межэтнического взаимодействия. В российской этносоциологии предпринимаются попытки эмпирических измерений этих явлений. Примером может быть исследование «Мигрантофобия как фактор межэтнической напряженности», проведенное в Краснодарском крае в 2006 г. Здесь мигрантофобия оценивалась как свойство, противоположное социальному доверию, предполагающему отношения партнерства и проявляющемуся в ощущении безопасности той или иной группы. Мигрантофобия была оценена как ощущение социальной угрозы, исходящей от иноэтнических групп, а также как осознание претензий этих групп на социальные (социально-экономические) ресурсы. Инструментарий исследования строился на шкальной оценке 17 позитивных и 17 негативных суждений, отражающих наиболее актуальные проблемы социально-экономического (этносоциального) характера, которые с точки зрения местного населения вызывает присутствие мигрантов. Вычисляемый показатель мигрантофобии варьировался в промежутке от –1 до 1, где значение «1» свидетельствовало о наличии в сознании респондента высокого уровня социального доверия, а «–1» – указывал на максимальный уровень мигрантофобии. Высокие показатели мигрантофобии оцениваются с позиций риска, демонстрирующих конфликт интересов по схеме «мы – они», «свое – чужое» [Донцова, 2008, с. 91–96].

Объективированные риски имеют количественное измерение и выступают в качестве индикаторов реальных и потенциальных изменений сообщества. Этнические риски, включенные в общественное сознание и подверженные влиянию внешних факторов, в том числе СМИ, способны кумулятивно усиливать их воздействие. Результаты общероссийского социологического исследования «20 лет реформ глазами россиян», проведенного Институтом социологии РАН в 2011 г., а также данные социологических исследований в Башкортостане, Татарстане и Республике Саха (Якутия) в 2011–2012 гг., и, кроме того, материалы Европейского социологического исследования 2008 и 2010 гг. позволяют специалистам достаточно высоко оценить баланс установок общественного сознания, которые могут обеспечивать межнациональное согласие в российском обществе, и негативных установок, провоцирующих межнациональную враждебность; причем последние годы характеризуются ростом напряженности для многих регионов [Дробижина, 2012, с. 91–110].

* * *

В рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН «Социальные, демографические и этнические риски развития человеческого потенциала Сибири» этнические риски определяются как вероятность процессов (событий), препятствующих стабильному функционированию национальной общности, сложившемуся этносоциальному равновесию, эффективному межэтническому взаимодействию. Это определение соответствует пониманию под риском существования или возможности возникновения ситуации, при которой формируются предпосылки противодействия реализации национальных ценностей, интересов и целей, а также решению задач обеспечения национальной безопасности.

Процедура анализа этнических рисков в рамках данного исследования предполагает:

- определение этнических рисков, представляющих опасность для региона;
- количественный анализ этнических (этнодемографических) рисков;
- качественный анализ существующих этнических (этносоциальных) рисков;
- мониторинг динамики изменения этнических рисков;
- оценку последствий реализации этнических рисков для стабильности региона;
- ранжирование рисков в интересах этнической стабильности региона;
- многофакторное изучение этнических рисков.

Оценка этнических рисков на основе методик, апробированных на уровне общероссийских и локальных исследований, определяет практическую составляющую данной работы. Ее авторы придерживаются мнения, что критериями оценки этнических рисков могут служить не только количественные параметры, используемые специалистами в области социальных рисков, как-то частота (вероятность) наступления события, его продолжительность, этнический состав населения, но и качественные характеристики, в том числе связанные с субъективными категориями, такими как уровень тревожности населения, экспертные мнения или оценки мнений лидеров.

Выполнение при корректировке и адаптации существующих в российской и мировой науке моделей оценки этнических рисков анализа региональных рисков закладывает основу для формирования информационных массивов по этносоциальным, этнополитическим, этнокультурным процессам в Сибирском федеральном округе, позволяя тем самым совершенствовать систему управления рисками развития человеческого потенциала на уровне региона и макрорегиона.

В целом в рамках данной работы этнические риски рассматриваются как разновидность социальных рисков. Они возникают в результате формирования социально-политических и экономических кризисов, однако основой для их развития является феномен этнических интересов.

Этнические риски имеют сложную стратификацию, связанную с политическими, идеологическими и культурными ценностями мирового, национальных и региональных сообществ, где соединяются противоположные тенденции групповой солидарности, основанной на религиозных, этнических и других идентичностях, с одной стороны, и политической консолидации и глобализации – с другой.

Российский федерализм является инструментом обеспечения баланса между этническим разнообразием и государственным единством, одним из механизмов разрешения межэтнических конфликтов и нейтрализации этнических рисков. Опасность этнических рисков заключается в том, что они способны усиливать кризисные явления, могут привести к свертыванию социальных и экономических программ преобразований и тем самым негативно повлиять на развитие человеческого потенциала.